

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

НЕБЕСНЫЕ МСТИТЕЛИ

ВЛАДИМИР КАРЖАВИН

Владимир Васильевич Каржавин
Небесные мстители
Серия «Окопная правда
Победы. Романы, написанные
внуками фронтовиков»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63482003
Владимир Каржавин Небесные мстители:
ISBN 978-5-04-116819-3

Аннотация

Февраль 1945 года. Гитлеровская Германия создает новейший реактивный самолет He-162 «Саламандра». Его собирают в Австрии на подземном заводе советские военнопленные. Одному из них, старшему лейтенанту ВВС Игорю Званцеву, удастся бежать. Он спешит рассказать о немецкой новинке контрразведке СМЕРШ, но ему не верят. Более того, Званцеву вменяют в вину выдачу подпольной организации, действовавшей в концлагере. Над старлеем нависает угроза расстрела. К счастью, данные о «Саламандре» попадают к полковнику НКГБ Балезину. Тот решает создать диверсионную группу и забросить ее в район завода. Вместе с остальными на опасное задание отправляется и старший лейтенант Званцев...

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Владимир Каржавин

Небесные мстители

В оформлении обложки использована работа Вячеслава Остапенко

Серия «Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков»

© Каржавин В. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

Часть первая

Побег

Местность была ему знакома, но бензин предательски кончался. Пилот это чувствовал и ругался последними словами. Еще минут десять-пятнадцать, и он сумел бы приземлиться на взлетно-посадочной полосе своего полка! Но нет, не дотянуть. Куда же посадить самолет? Пару минут он покружил над лесом, пока не обнаружил большую поляну. Придется здесь. Эх, где наша не пропадала!

Двигатель начал давать сбои, потом заглох. Однако посадка, к немалому удивлению летчика, удалась наилучшим образом. Самолет стоял на поляне, и вокруг него царила тишина. Это было удивительно хотя бы потому, что совсем недалеко пролежала линия фронта. А может, эта тишина просто пригрезилась пилоту после огромного физического и морального напряжения?

Званцев тяжело дышал, упершись головой в лобовое стекло кабины, чувствовал, что покинуть самолет нет сил. Ему не верилось в такую удачу. Один шанс из ста, а он жив. За самолетом «Як-3» гнались, по нему стреляли. Он поднял его в воздух, каким-то чудом перелетел линию фронта и остался цел и невредим. Вот только силы, похоже, на исходе.

Но надо собраться, взять волю в кулак, стиснуть зубы и

вылезать из кабины. Пилот сдвинул назад фонарь, оперся двумя руками о корпус машины и сделал попытку подняться в кресле.

В это время слышались шаги. На поляну осторожно вышли офицер в чине лейтенанта и двое солдат с автоматами. Свои!

Летчик кое-как вывалился из кабины, попытался встать по стойке смирно, но его шатало.

– Старший лейтенант Званцев, Четыреста сорок девятый бомбардировочный авиационный полк Семнадцатой воздушной армии. Бежал из плена, – представился он и осведомился – А вы, очевидно, Третий Украинский?

Но лейтенант не был расположен к разговору.

– Кто ты и откуда бежал, будем разбираться в штабе, – мрачно произнес он. – Оружие есть?

– Никак нет.

– Тогда вперед и с поднятыми руками!

Начальник дивизионного отдела контрразведки Смерш капитан Купцов собирался лечь и хоть пару часиков поспать. Сейчас, когда фронт приблизился к границам рейха, работы у него ничуть не убавилось. Появилось множество людей, освобожденных из плена, и военных, и гражданских. Попробуй разберись, кто и как туда попал и что там делал. На бывших оккупированных территориях полицаев пруд пруди. Есть и власовцы. Правда, с такими разговор короткий. А тут

еще пленные немцы. Ни минуты покоя.

– Разрешите?

– Кто там еще? – недовольно спросил Купцов, поднимаясь с деревянной лежанки.

– Да вот, перелетел к нам, – доложил начальник патруля и толкнул Званцева в спину, пропуская вперед.

Купцов зевнул, накинул шинель. В блиндаже топили, но все равно было холодно.

– Садись, Сафин, протокол будешь вести, – сказал он и мрачно кивнул лейтенанту на скамью.

Сам капитан расположился за небольшим письменным столом, на котором стояли два телефонных аппарата и лежали несколько папок с документами. Званцеву он присесть не предложил.

Минуту Купцов рассматривал этого человека, потом закурил, выпустил струю дыма и осведомился:

– Что за наряд у тебя, сокол ты сизокрылый? С виду не наш, и на немецкий не похож.

– Это форма солдата бывшей чехословацкой армии. От моей родной остались одни лохмотья.

Купцов ехидно усмехнулся и спросил:

– Так ты и за чехов успел повоевать?

Разговор явно шел не в нужном направлении.

Поэтому Званцев не ответил на вопрос и сразу же высказал главное:

– Товарищ капитан, у меня имеются важные сведения о

новом немецком самолете.

Но Купцов проигнорировал эту реплику.

– Здесь вопросы задаю я! – заявил он и грохнул кулаком по столу. – А твое дело отвечать. Врать, темнить не советую, все равно узнаем. Итак, фамилия, имя, отчество, место службы, как попал в плен? Хотя нет, отставить. Изложи-ка лучше все письменно, в виде объяснительной.

Купцов достал лист бумаги, карандаш и приказал Званцеву сесть за стол. Сам же продолжал курить, что-то прикидывая в уме.

Из объяснительной старшего лейтенанта 449 бомбардировочного полка 17 воздушной армии Званцева Игоря Николаевича

12 ноября 1944 года наш самолет «Пе-2», экипаж: летчик Званцев И. Н., штурман лейтенант Величко П. П., стрелок-радист сержант Балябин С. К., производил разведку дороги на участке Новы Замки – Трнава с целью вскрыть передвижение войск противника и сфотографировать рубеж обороны по реке Ваг. На высоте 4000 метров самолет был атакован двумя парами истребителей «Ме-109». В неравном бою с первой атаки был поврежден левый мотор нашего самолета. Я со снижением стал выходить из-под удара. При этом воздушному стрелку удалось сбить один «Ме-109». Но три других подожгли наш самолет. Величко и Балябин были убиты. Мне удалось покинуть самолет на

парашюте. Приземляясь, я сильно ударился, потерял сознание и попал в плен.

Ст. лейтенант Званцев И. Н.

Купцов взял листок, прочел то, что было на нем написано.

– Что, не хватило духу застрелиться? – буркнул он, не вынимая папиросы изо рта.

– Я потерял сознание. Когда очнулся, передо мной стояли два немца с автоматами.

Купцов притушил окурок и заявил:

– А теперь о пребывании в плену.

Званцев взялся за карандаш, но сотрудник контрразведки Смерш остановил его:

– Отставить! Нечего бумагу переводить. Так рассказывай. Встать!

– Первоначально попал я в лагерь, находящийся в Чехии, – начал Званцев, поднявшись. – Мы расчищали завалы, строили казармы и административные здания.

– Для кого?

– Для наших предателей, власовцев.

– Почему так решил?

– Их представители приезжали не раз. Смотрели, как мы строим. Агитировали.

– И что, были желающие?

– Так, жалкие единицы.

– Дальше.

– В лагере нас почти не кормили. Было ясно, что долго не протянем. Поэтому решили мы готовить побег, тем более что по слухам недалеко в горах были партизаны. Но за два дня до побега меня и еще два десятка заключенных перевели в другой лагерь, в местечко Хинтербрюль, что в Австрии, на окраине Вены.

– За какие заслуги?

– Забрали всех, кто имел отношение к авиации: летчиков, механиков, строителей аэродромов.

– И что там, в этом самом Хинтербрюле?

– Там авиазавод. Но основное сборочное производство спрятано в старой меловой шахте.

– Как ты умудрился бежать?

– Всеми делами у них заправляет Эрнст Хейнкель, известный авиаконструктор. У него причуды. Он создал своего рода музей под открытым небом, собрал самолеты разных стран. Одним из них был «Як-3», на котором я улетел.

– Так вот сел и улетел?

– Мне помог один человек.

– Что за человек?

Званцев замер. Сказать правду или нет? Поверит ли этот капитан, что побег ему организовал его брат? Нет, лучше не рисковать:

– Это был человек из движения Сопротивления. Есть такая организация.

Капитан Купцов задумался, снова закурил, не спуская

глаз с высокого худощавого летчика в чехословацкой форме.

В Смерше Купцов был почти с самого начала, с весны 1943 года. Случались у него и удачи, и проколы, но в целом он был у руководства на хорошем счету. Однако сейчас, в сорок пятом, в преддверии победы, этот сорокалетний мужчина ощутил, что создан не только для поимки дезертиров, предателей и полицаев. Ему хотелось большего. Да и в капитанах он засиделся.

Месяц назад Купцов задумал важнейшую, как ему казалось, в своей жизни операцию. Он знал, что у подножия гор на немецкой территории находится лагерь военнопленных. Почти три тысячи человек, занятых на ремонте стратегической автодороги, пострадавшей после бомбежек.

Охрана небольшая, людей у немцев не хватает. В лагере вполне реально устроить восстание. Если оно удастся, то можно будет из освобожденных узников сформировать пару батальонов, сбросить им с самолетов оружие и поставить боевую задачу. Они должны будут захватить и удерживать до прихода своих ближайший к лагерю городок Суховец и стратегическую дорогу, проходящую через него.

Чем не идея! За такое можно и Героя отхватить.

Купцов вспомнил, как организовывал подготовку и заброс разведгруппы в район нахождения концлагеря. Цель – войти в контакт с подпольной организацией лагеря во главе с майором Петриченко. Купцов доверял этому человеку, поскольку знал его лично.

Однако данному замыслу не суждено было сбыться. Поначалу все шло нормально. Командир разведгруппы передал даже время и дату начала восстания. Но оно не состоялось. Разведгруппа погибла. Полтора десятка заключенных, проравившихся через колючую проволоку, были пойманы и расстреляны.

Купцов жадно затаился.

«Кто виноват? Конечно же, я. Разведгруппу готовил наскоро, опыта в таких делах у меня нет. Придется в рапорте брать вину на себя. Ох, как не хочется. А может, восстание не состоялось потому, что среди организаторов нашелся предатель? Точно, предатель! Этот вот парень в чехословацкой форме вполне сойдет за такого».

Купцов окинул Званцева пристальным взглядом. Страх в глазах его он не нашел. Всякие люди стояли перед ним. Одни тряслись, зная, что их ждет, другие ненавидяще глядели на него исподлобья, готовые вцепиться в глотку. А этот смотрел куда-то в сторону, словно чувствовал собственную невиновность.

Что ж, и не таких ломали. Хотя сначала лучше с ним по-доброму.

– Садись, лейтенант. В ногах правды нет. – Купцов указал Званцеву на скамью и обратился к своему помощнику, который сидел и заполнял шапку протокола: – Пойди, Сафин, погуляй. – Когда тот вышел, Купцов негромко произнес: – Вот что, Званцев. Времени у меня в обрез, поэтому давай

договоримся прямо сейчас.

– О чем?

– Молчи, слушай меня. – Купцов вытащил новую папиросу, закурил и продолжил: – Я понимаю все случившееся с тобой следующим образом. Ты входил в лагерный подпольный комитет. Так?

– Так.

– Комитет возглавлял майор Петриченко. Ты знал такого?

– Не только знал. Мы вместе готовили побег.

– Хорошо, пойдём дальше. Побег вы готовили, но тебя раскрыли, пытали. Ты не выдержал и...

– Вы хотите сказать, что я выдал?

Купцов глубоко затянулся, выпустил струю дыма прямо в глаза Званцеву и заявил:

– А ты парень догадливый.

Теперь уже Званцев глядел на офицера Смерш в упор.

– Хотите сделать из меня предателя?

– Подожди, не кипятись. Молчи и слушай меня. Ты напишешь покаянную, где изложишь все, что я тебе скажу. А затем... Ты офицер, летчик, участвовал в боях. Поэтому направим мы тебя не в трибунал, а в фильтрационный лагерь. Получишь ты пятерик и легко отделаешься. А если нет, то трибунал, но с другой формулировкой: «Добровольная служба у врага с отягчающими обстоятельствами». На юридическом языке это означает: статья пятьдесят восьмая, измена Родине. Понимаешь, чем тебе это грозит?

Званцев почувствовал, что в нем закипает злость.

– Это я-то предатель? Ишь ты, какой красивый! – Он, сам того не замечая, перешел на «ты». – Да меня за три дня до намечавшегося восстания отправили в другой лагерь!

– Ну и что? Выдал и отчалил, чтобы свои не придушили. – На лице контрразведчика появилась ехидная улыбка.

Званцев поднялся со стула.

– Вот что, товарищ капитан...

– Я тебе не товарищ. Для тебя я гражданин капитан.

– Так знай, гражданин капитан, что меня несколько раз могли убить. Я рисковал жизнью не только ради спасения собственной шкуры, а в первую очередь для того, чтобы донести до командования сведения о новейшем немецком самолете. Тебя, похоже, это не интересует.

Теперь уже поднялся Купцов, погасил папиросу и проговорил:

– Я представитель контрразведки Смерш, и меня интересует любая информация, даже если она похожа на сказку. Что за самолет? Откуда взялся?

– Новейший реактивный самолет. Я уже говорил об этом.

– Какой такой реактивный?

– Как вам объяснить? Это тот, который без винта. Он развивает гораздо большую скорость, чем обычный.

Теперь Купцов смотрел на Званцева уже с презрением. Капитан не любил, когда кто-то знал больше, чем он.

– Что ты несешь, прихвостень фашистский? То ему кто-то

в плену заправил советский истребитель и помог долететь. То он обнаружил у немцев самолет без винта. Ха! Без винта самолет?! Да ты что, меня за идиота держишь?

– Выходит так, – почти шепотом произнес Званцев, но все-таки не настолько тихо, чтобы не услышал Купцов.

Тот изрядно разъярился и подошел вплотную к Званцеву. В такой манере с ним еще никто не разговаривал.

Удар был нанесен с размаху. Грузный Купцов так вот сбивал с ног любого мужика. Но Званцев устоял, лишь слегка попятился назад, вытер кровь с разбитой губы.

– Мордобитием занимаешься! – Званцев тяжело дышал. – Летную форму нацепил, а в кабину самолета, наверное, ни разу в жизни не сел.

Это было правдой. Работники контрразведки Смерш всегда облачались в форму того подразделения, при котором состояли.

Это напоминание вконец завело капитана. Он сжал кулаки, с остервенением набросился на Званцева, но тут же получил правый прямой в челюсть и упал на пол. Игорь Званцев был когда-то чемпионом Москвы и до сих пор не утратил боксерских навыков.

– Ко мне! Скорее! – заорал, поднимаясь, Купцов.

Тотчас в комнату влетели двое молодцев во главе с лейтенантом Сафиним, несколько минут назад писавшим протокол. Званцев не сопротивлялся. Его быстро повалили на пол. Первые удары и пинки он ощущал, но вскоре потерял

сознание.

– Что с ним делать? – спросил Сафин.

– Что-что. В трибунал его! – прорычал Купцов, потер ушибленный подбородок, сплюнул и грязно выругался.

Во второй половине февраля день заметно прибыл, но график работы не изменился. Военный юрист третьего ранга Маргарита Мещерская устало перебирала листы с обвинительными заключениями и протоколами допроса для завтрашнего заседания военного трибунала. Шесть, семь... девять. Ох, когда же это кончится?

Опять будут приговоры, в том числе расстрельные. Ладно, эти двое каратели. Один из них был полицаем, другой шоферил на фашистской душегубке. Но своих-то зачем гробить? Вот сержант, пятьдесят два года, наверное, внуки есть. Вышел из окружения без документов. Или другой, совсем молодой парень, по ошибке стрелял по своим. Или вот этот летчик...

Стоп! Рита едва не выронила из рук лист с обвинительным заключением, где было разборчиво написано: «Званцев Игорь Николаевич, старший лейтенант». Далее было указано последнее место службы. Пятьдесят восьмая статья, измена Родине и добровольное пособничество врагу.

Рита отложила лист обвинительного заключения и протокол допроса в сторону, закрыла лицо руками. Званцев Игорь Николаевич, ее бывший муж!

Военный трибунал располагался в небольшом одноэтажном домике. В этот час, еще не самый поздний, кроме Риты там никого не было. Лишь часовой у входа одиноко прохаживался взад-вперед.

Трибунал состоял из четырех человек: председателя, двух членов и секретаря. Председателем был Нижегородов Павел Рудольфович, военный юрист второго ранга, суровый на вид мужчина лет сорока. Ему помогали Маргарита Мещерская и Лев Швейцер, немолодой уже, почти старик, который всегда и во всем соглашался с мнением Нижегородова. Все трое были членами ВКП (б). Беспартийной была только секретарь, совсем еще юная Зоя Василенко. Но к вынесению приговоров она не имела никакого отношения.

Военный трибунал был перегружен работой. Рассматривались обычные дела о военных преступлениях – дезертирстве, уклонении от призыва в армию, членовредительстве, а также об измене Родине – попытках перейти на сторону противника, антисоветской агитации и пропаганде.

Рита еще раз перечитала обвинительное заключение и протокол допроса. Никаких зацепок, чтобы смягчить наказание. Попал в плен, выдал участников подготовки восстания и его дату. За три дня до начала восстания был отправлен на авиазавод близ Вены, где работал больше месяца. Бежал на советском самолете. Подробности неизвестны. В своих показаниях путается. Набросился с кулаками на представителя контрразведки Смерш капитана Купцова. И наконец,

злополучное: «Обвиняется по ст. 58».

Рита поднялась, прошла несколько раз по маленькой комнате.

«Ох, Званцев, Званцев, опять ты натворил!.. Сколько же мы не виделись? Больше шести лет. А прожили вместе? Поженились в конце мая тридцать восьмого, а расстались в начале августа того же года. Получается два с небольшим месяца. Разошлись, хотя не было ни измен, ни ссор. А все дело в отце Игоря. Правильно ли я тогда поступила, что послушалась матери и подала на развод? Где сейчас его отец? В Праге? Но она ведь под немцами. Может, и Игорь добровольно решил на них работать? В это верится с трудом, да и в обвинительном заключении ничего такого не говорится. А вдруг отец и помог ему бежать, но он об этом сказать боится? Ох, голова идет кругом».

Рита устало опустилась на небольшой старенький диван, стоявший в углу комнаты.

Что делать? Молчать? Но она член партии, военный юрист, обязана сказать правду о том, кто у него отец и где он живет. Это на сто процентов расстрельный приговор!

Ну и что? Подумаешь, бывший муж. Одним предателем меньше. Справедливый советский суд воздает должное изменникам Родины.

Все было бы так, если бы не одно существенное «но». У нее от Игоря остался ребенок, дочь. Званцев об этом, конечно же, не догадывался.

Она безумно любила свою Иришку, которая уже начинала спрашивать:

«А где мой папа? Погиб на войне?».

Почему ей так не везет в личной жизни? Спустя месяц после развода она снова вышла замуж. Леонид Моисеевич был старше нее на восемнадцать лет. Он так был увлечен ею, что согласился признать чужого ребенка своим.

Была ли любовь? Нет, в отличие от первого брака ее не было. Но жить матерью-одиночкой Маргарита не хотела. Поэтому и дала согласие.

Со вторым мужем она тоже прожила недолго. Леонид Моисеевич, работник одного из столичных райкомов, был неожиданно арестован. Десять лет без права переписки. Таков был приговор. Она отлично знала, что это означает.

Да и сейчас, на войне, были люди, равнодушные к ней. Взять хотя бы председателя трибунала Павла Рудольфовича. Юрист, профессионал, его слово здесь решающее. Чего греха таить, они уже не первый месяц близки. После войны, как он не раз повторял, будут вместе. Если она попросит за Игоря, за смягчение ему приговора, то Павел Рудольфович ей не откажет. Но вправе ли Маргарита так поступить?

С Игорем они не виделись шесть с лишним лет. А если Званцев уже не тот, каким она его знала? Вдруг он действительно изменник Родины? Конечно, Смерш часто перегибает, требует в обвинительном заключении смертный приговор. Но ведь война еще не окончена. На ней без суровых при-

говоров нельзя.

Дверь открылась, и на пороге появилась секретарь трибунала.

– Зоя, смени меня. Голова разрывается на части, – сказала Рита, имея в виду подготовку документов.

– Хорошо, Маргарита Михайловна, идите, – с пониманием отозвалась Зоя.

Рита вышла из душевой комнатки на крыльцо, жадно втянула свежий весенний воздух. Она знала, что надо делать.

– Ну здравствуй, Званцев.

Игорь, лежащий на соломе, поднял голову, оперся на локоть.

– Ты?..

Рита осторожно прикрыла дверь сарая, в котором находился арестант, и спросила:

– Что, удивлен?

– Я уже отвык чему-либо удивляться, – ответил он и криво усмехнулся.

Рита осмотрелась вокруг и сказала:

– Да у тебя отдельная комната. Шестерых других подследственных содержат в одной землянке.

– Выходит, я важная персона.

Глава дивизионного Смерша капитан Купцов специально отделил Званцева от остальных арестантов. Когда военный юрист третьего ранга Маргарита Мещерская попросила раз-

решения на свидание со своим бывшим мужем, капитан тотчас разрешил это, надеясь, что она вразумит арестованного и он напишет покаянную, именно такую, какую Купцов и задумал.

Рита присела на пустой ящик и сказала:

– Похоже, ты не особо рад меня видеть.

Игорь поднялся, сел напротив нее.

– Ну почему же, рад. Вижу, что ты жива-здоровая и выглядишь для военного времени очень даже неплохо. Правда, есть одно обстоятельство, перечеркивающее радость от нашей встречи.

– Какое же?

– Мы с тобой находимся на разных берегах. Я – арестант, подследственный. Ты – военный юрист и будешь меня судить. Так?

– Так. Потому я сюда и пришла.

Игорь горько усмехнулся.

– Когда-то давно, в мае тридцать восьмого, ты меня защищала. А сейчас будешь судить. Как все меняется.

– Званцев, у нас нет времени на сантименты. Давай поговорим о главном.

Он почти как по команде встал, выпрямился во весь свой немалый рост и заявил:

– О главном? Хорошо. Если так, то слушай и запоминай. Я вырвался из плена не только для того, чтобы спасти свою шкуру. У меня имеются сведения о новейшей разработке

немцев, реактивном самолете «Саламандра». У нас такого нет. Понимаешь, Ритка, нет! Это значит, что «Саламандра» не должна летать! Я пытался объяснить это капитану Смерша, а тот врезал мне в челюсть.

– А ты ему в ответ.

– Да, в ответ, но не об этом речь.

– Именно об этом, Званцев. Ты ударил представителя власти.

– Ритка, я погорячился. А что было делать? Он предлагал мне взять на себя предательство.

Игорь вкратце рассказал ей о концлагере, о подпольной организации и неудавшемся, как он слышал от Купцова, побеге. Рита слушала его молча. Главное она берегла напоследок.

– Скажи, Званцев, честно, ты встречался в Чехии с отцом? – вдруг спросила она.

Игорь почувствовал, как его больно кольнуло. При их расставании более шести лет назад разговор шел о его отце. И вот сейчас, при встрече то же самое.

– Оставь моего отца в покое, – зло процедил он. – Ты в своем уме? В Чехии я был в концлагере. Как выжил, не знаю. В бараке девятьсот человек, нары в три этажа. Каждый из нас был в полной власти капо, эсэсовцев, коменданта. Любого могли избить, изувечить, убить. Двести граммов хлеба, кружка баланды и три картофелины – вот и вся еда на день. Работа изнурительная. Ежедневно повозка, запряжен-

ная людьми, увозила трупы туда, где дымила труба. Может, хватит? Повторяю, я был в концлагере!

– Только ли в концлагере?

Игорь в упор смотрел на Риту.

«Эту женщину я когда-то любил. Она даже была моей женой», – говорил его презрительный взгляд.

– Значит, и ты веришь, что я предал?

– Званцев, ты несносен! У меня нет времени вести следствие. У тебя есть единственный шанс не оказаться у нас в трибунале. Это принять условия Купцова и написать покаянную.

– Что? Ты тоже предлагаешь мне стать предателем?

– Званцев!

– Я рисковал жизнью, добыл секретные сведения, а ты!..

Пошла вон!

Игорь распалился не на шутку. Еще немного, и он обложил бы свою бывшую жену трехэтажным матом или запустил бы в нее чем-нибудь.

Рита Мещерская захлопнула дверь сарая, устало прислонилась к ней спиной.

Часовой, стоявший рядом, скорее всего, слышал проклятия арестанта, адресованные ей. Поэтому он с удивлением наблюдал за душевными переживаниями представителя военной юстиции.

Придя в себя, Рита неторопливо зашагала по тропинке в сторону единственной дороги, проходящей через село. Са-

мое главное Званцеву она так и не сказала. Он и сейчас не знал о том, что она воспитывает их дочь.

– Кто посмел заправить русский самолет? – Оберштурмбаннфюрер Вальц прохаживался вдоль строя своих подчиненных и орал, не умолкая. Эсэсовцы, все в черных мундирах – командиры рот, взводов, рядовые из охраны концлагеря и завода – вытянулись в струнку, застыли на месте.

Не получив ответа на этот вопрос, Вальц перешел к другому:

– Чей взвод дежурил этой ночью на взлетной полосе? – Он с недоверием окинул взглядом людей, стоявших навтыжку.

Из строя вышел немолодой эсэсовец, командир роты, с заметным шрамом над переносицей и с черной повязкой на глазу. Видно было, что ему пришлось повоевать.

– Господин оберштурмбаннфюрер, взлетную полосу охранял третий взвод шарфюрера Бонхофа.

– Бонхоф! – взревел Вальц.

Ответом ему было молчание.

– Где Бонхоф? Не вижу его.

– Бонхофа вчера днем госпитализировали. У него язва желудка, – пояснил одноглазый офицер.

– Ну и кто за него?

Из строя вышел молодой парень. На вид ему было лет восемнадцать, никак не больше.

– Шарфюрер Эрих Бухгольц, – представился он.

Вальц всмотрелся в лицо парня. Пополнение пришло совсем недавно, и он не успел еще всех запомнить.

– Ты что, не слышал рев мотора?

– Слышал.

– Почему не предотвратил вылет?

Парень поправил очки с толстыми стеклами, сползшие на нос, и ответил:

– Я плохо вижу в темноте. Я думал, что это наш самолет.

Вальц театрально развел руками.

– Посмотрите на него. Он думал! Ты что, вчера родился? Не знаешь, что за нас думает фюрер? Твое собачье дело – исполнять приказы, не только его собственные, но и тех людей, которых он поставил над тобой. Инструкции читал?

В ответ молодой эсэсовец отрицательно покачал головой и тихо промямлил:

– Не успел еще. Я здесь только второй день.

Вальц почувствовал, что вспотел.

«С такого молокососа взятки гладки, – подумал он. – А одноглазого ветерана отдавать под суд душа не лежит. Ведь он еще на Курской дуге воевал в дивизии «Мертвая голова». Ох, придется отвечать мне».

– Разойдись! – теперь уже негромко выкрикнул Вальц и устало опустился на лавку. Достал сигареты, закурил.

«Во что превратили СС! – размышлял он. – Когда-то один удаленный зуб – и пошел вон, не служить тебе, парень, в элите. А сейчас что? Одноглазые, язвенники, очкарики. Неуже-

ли у Германии людские ресурсы на пределе?»

Оберштурмбаннфюрер быстро докурил сигарету, поднялся и пошел в сторону комендатуры.

В июле сорок четвертого ему повезло. Машину с двумя важными участниками покушения на фюрера он, начальник охраны сторожевого пункта, пропустил беспрепятственно, за что мог угодить под суд. Выручил Эвальд, брат жены. Теперь придется попросить его о помощи еще раз. Но гарантии, что Эвальд поможет, нет.

Вальц расположился за столом в своем кабинете, не снимая шинели и фуражки, набрал нужный номер.

– Группенфюрер Брайтнер будет через полчаса, – услышал он. – Кто его спрашивает?

Вальц представился.

– Что передать?

– Я сам перезвоню, – сказал он и положил трубку.

Но Брайтнер вернулся раньше и позвонил сам:

– Густав?

– Слушаю тебя, Эвальд.

– Это я тебя слушаю.

Вальц хотел было сразу рассказать обо всем, что случилось, но вовремя остановился, понимая, что телефон может прослушиваться.

Поэтому он ограничился только короткой фразой:

– Надо увидеться. Срочно.

Брайтнер хорошо знал своего зятя, был в курсе его проде-

лок и подвигов. Похоже, Густав снова влип. Будь на его месте кто-то другой, Брайтнер и пальцем не пошевелил бы, чтобы помочь. Слишком большое число ступенек карьерной лестницы отделяло его от какого-то там оберштурмбаннфюрера. Но Густав Вальц был женат на его младшей сестре Эмме.

Кроме Эммы и двух ее крошек-дочерей у Брайтнера никого не осталось. Родители давно умерли, а у жены сердце не выдержало после сообщения о гибели сына под Сталинградом. Еще они с Густавом были старые приятели, однокашники по мюнхенскому университету, хоть Вальц его и не окончил.

Группенфюрер Эвальд Брайтнер не заставил себя долго ждать. Через час он уже сидел напротив Вальца в прокуренном кабинете и вопрошающе глядел на своего родственника.

– У нас ЧП, – сообщил ему Вальц. – Заключенный сбежал на русском самолете.

Брайтнера такая новость вроде бы никак не задела. Но это только казалось. С минуту он раздумывал, что-то сопоставлял, затем приставил палец к губам и кивнул на дверь. Мол, давай выйдем и обсудим все на свежем воздухе, а не здесь, в кабинете, где запросто может быть установлена прослушка.

Они вышли в небольшой садик, разбитый вокруг здания комендатуры. Здесь Брайтнер сразу изменился в лице.

– Выкладывай все начистоту, – жестким голосом произнес он. – Только в этом случае я смогу тебе помочь. Итак, вопрос первый. Кто сбежал?

– Заключенный номер триста пятьдесят шесть.

– Ты что, меня за идиота держишь? – вспыхнул Брайтнер. – На кой черт мне номер! Ты говори, кто он, русский, поляк или француз?

– Русский, некто Званцев. Обер-лейтенант, летчик. – Вальц достал картонную карточку, на которой красовался номер и были указаны фамилия, имя и воинское звание Званцева.

К ней были приклеены небольшие фотографии в анфас и в профиль. Всех, кто переступал территорию завода, фотографировали, такой был порядок.

– Ясно, что не пехотинец, – заявил Брайтнер, держа в руках карточку, и осведомился: – Он мог знать какие-то секреты, связанные с «Саламандрой»?

– Конечно, нет. Он работал на участке, где проверяют гидравлику. Она есть у каждого самолета. – Вальц сжал кулаки. – Ох, попадись мне этот русский!

– Еще неизвестно, кто кому попадет. Он теперь знает, куда надо бомбы бросать, – сказал Брайтнер и криво усмехнулся, но его взгляд тут же стал серьезным. – Кто его туда поставил?

– Петер Рауш, инженер.

– Немец?

– Фольксдойч. Отец чех, мать немка.

– Его допросили?

– Нет. Он исчез.

– Как исчез?

– Он вольнонаемный, у него пропуск с правом свободного выхода за территорию завода. Его ищут.

Далее Вальц, запинаясь, начал говорить об оплошности охранников-эсэсовцев, не предотвративших этот вылет. Брайтнер с презрением смотрел на своего родственника, как бы говоря: «Расстрелять бы тебя!».

– Вопрос второй, – прервал он его. – Ты, Густав, не сказал главного. Где ты сам был вчера ночью?

Вальц почувствовал, как у него кольнуло в груди:

– Я ездил в Вену, – тихо выговорил он.

Солнце светило ласково, по-весеннему.

Эвальд Брайтнер снял фуражку, вытер платком вспотевшую голову и заявил:

– Так я и знал. Конечно же, к девкам с Рингштрассе.

Вальцу ничего не оставалось, как молча утвердительно кивнуть.

На Рингштрассе располагался известный в Вене публичный дом.

– Ну а где был твой заместитель, Крюгер? – едва не закричал Брайтнер.

– Я ему дал три дня отпуска. У него вся семья погибла в Дрездене под бомбами.

Брайтнер достал из позолоченного портсигара сигарету, закурил, но Вальцу не предложил. Он еле сдерживал себя.

– Понимаю. То, что американцы и англичане сделали с

Дрездене, просто чудовищно. В городе не было ни воинских частей, ни военных объектов, только мирное население, – тихо выговорил он и тут же резко повысил голос: – Вот поэтому мы и создаем оружие возмездия! Ракеты фон Брауна долетают до Лондона, но разброс большой. Нам бы еще полгода на доработку. «Me-262» вроде бы хорош, но тяжел в управлении. Да и расход топлива большой. В воздухе может находиться лишь несколько минут. Поэтому вся надежда на Хейнкеля, на его «Саламандру» «He-162».

Вальц слушал и молчал, понимая, что любое слово в свое оправдание может вывести Брайтнера из равновесия. Он знал, какая ответственная миссия возложена на его родственника. Тот отвечал за охрану всех секретных заводов, расположенных в Австрии.

Но ему было известно не все. Брайтнер еще и курировал все научно-технические разработки, производимые в Германии.

Совсем недавно ответственности ему добавилось. Он встречался с рейхсфюрером Гиммлером и получил секретный приказ: должен был обеспечить безопасность при проезде нескольких сотен грузовиков в высокогорные районы Альп. Задавать вопросы не полагалось, но Брайтнер догадался, что речь идет о золоте, валюте, картинах.

Сейчас, в феврале сорок пятого, он уже прекрасно понимал, что секретные заводы и научно-технические разработки вряд ли помогут Третьему рейху избежать поражения

в войне. Ценности, надежно спрятанные в Альпийских горах, – это будущее Германии, которое надо сохранить во что бы то ни стало. А будет фюрер жив или нет, это не так уж и важно.

– Ладно, поступим так, – сказал Брайтнер и оценивающе посмотрел на своего родственника. – Я задним числом оформлю тебе вызов к нам в штаб, в Вену, за новым назначением. Будем считать, что ночью тебя не было в комендантуре по причине, скажем, поломки машины в дороге.

Услышав о новом назначении, Вальц оживился, поднял голову, взглядом спрашивая:

«Куда?».

– В Быстрицу поедешь начальником местного гестапо.

– А как же Кросс?

– Кросс убит. На днях его машину вместе с господином Хорстмайером и охраной обстреляли партизаны. Слава всевышнему, Хорстмайер остался жив.

– Кто такой Хорстмайер?

– Главный инженер завода в Быстрице. Доверенное лицо самого Хейнкеля.

– Что выпускает завод?

– Крылья к нашей «Саламандре», причем деревянные.

– Деревянные? А что, у нас мало металла?

«Послал же мне господь в родство такого болвана», – подумал Брайтнер, тяжело вздохнул, достав новую сигарету, закурил и поучительно произнес:

– А когда у нас и чего было много? Железную руду мы закупаем у шведов, лес и никель у финнов, нефть у румын, алюминий и каучук у американцев.

– У американцев? Но мы же с ними воюем?

– К сожалению, воюем.

– Почему к сожалению?

«А ведь этот человек учился в университете», – зло подумал Брайтнер и пояснил:

– Да потому, что у нас один общий враг – большевистская Россия. Что же касается поставок, то через подставные фирмы можно торговать с кем угодно.

Вальц достал свои сигареты, тоже закурил. Пару минут они молчали.

Первым заговорил Брайтнер:

– Смотри, Густав, Быстрица – твой последний шанс! Завод должен работать бесперебойно. Если «Саламандра» останется без крыльев, то тебе, как говорят русские, не сносить головы. Завтра с приказом о переводе от меня придет офицер, который займет твое место. Ты сразу же передашь ему дела и отправишься в Быстрицу.

– Понял. А как быть с виновными? Каждого десятого тра-та-та?

– Так тебе Хейнкель и позволит. У него людей катастрофически не хватает. Не зря же он стал использовать русских пленных, связанных с авиацией. Кстати, в побеге виноват и сам Хейнкель. Взбрело ему в голову устроить музей, как он

называл, авиационной техники. А вот того гада, который заправил русский самолет, обязательно надо найти и повесить. Прилюдно.

Вальц жадно курил, не отрывая взгляда от брата своей жены и однокашника по университету.

– Эвальд, ты для меня как добрый волшебник. Спасибо тебе, – сказал он.

– Эмме скажи спасибо, – заявил Брайтнер. – Если с тобой что-либо случится, то она этого не переживет. Моя сестра по-прежнему любит тебя, шалопая. Еще благодари рейхсфюрера.

– Рейхсфюрера?

– Да, я не оговорился. Когда на тебя завели дело по поводу двадцатого июля, я добился у рейхсфюрера приема. Он помнит меня по Мюнхенскому университету. «Вальц? Этот рыжий толстяк? Бабник и кутила? Помню, – сказал Геббельс, выслушав мои доводы. – Ладно, пусть живет». Так что, дорогой Густав, живи, но не делай глупостей.

Эрнст Хейнкель всегда располагался на заднем сиденье автомобиля. Усталость, бессонные ночи сказывались, а здесь, в машине, можно было подремать. В молодые годы он увлекался полетами на самых различных самолетах, и своей конструкции, и чужих, выделывал различные фигуры, в том числе опасные, и не боялся. А все потому, что это были самолеты, а за штурвалом сидел он, их создатель, человек, не

мыслящий себя без авиации.

А тут не самолет – автомобиль. Не в воздухе, а на земле. Пусть впереди идет такая же машина с охраной, но мало ли что. Три дня назад один из его ближайших помощников был обстрелян на дороге. Он чудом остался жив, а вот начальник местного гестапо погиб.

Хейнкель поежился на сиденье, поднял ворот пальто, хотя в машине было комфортно и тепло. Как и за окном. Стояла вторая половина февраля. Здесь, в Центральной Европе, весна всю вступала в свои права.

За окнами машины мелькали горные склоны Австрийских Альп, островерхие крыши аккуратных деревенских домиков. Хейнкель почувствовал, что начинает дремать. Сказывалось нервное напряжение, хотя в целом день прошел удачно.

Утром он, Эрнст Хейнкель, один из ведущих авиаконструкторов Германии, разговаривал с самим фюрером. При этом присутствовали рейхсмаршал Геринг и министр вооружений Шпеер. Речь шла о новом детище Хейнкеля, реактивном истребителе «Хе-162» «Саламандра». Конечно, реактивные самолеты в Германии создавал не только он. Над ними трудились и Мессершмитт, и Липпиш, и Танк. Но его «Саламандра», похоже, взяла верх.

В последние годы войны, когда неизбежность поражения Германии стала очевидной, Гитлером овладела идея создания оружия возмездия. В этот период одна за другой появ-

лялись новые военные разработки, выглядевшие весьма эффективными. Среди них был и истребитель «Хе-162».

У одного из руководителей Министерства вооружения родилась идея создать небольшой, простой в управлении реактивный истребитель. На нем должны были летать не только опытные пилоты, но и мальчики из гитлерюгенда после короткого обучения в планерных школах.

Задание на разработку было выдано одновременно пяти фирмам: «Блом и Фосс», «Юнкерс», «Арадо», «Фокке-Вульф» и «Хейнкель». Согласно требованиям скорость самолета должна была составлять не менее 750 км/ч, вооружение – 2 пушки, время полета – 20 минут, вес – 2000 кг, силовая установка – один турбореактивный двигатель BMW 003 с тягой 810 кг.

Заказ на проектирование самолета Хейнкель получил 8 сентября 1944 года. Еще не приступая к его компоновке, он считал, что единственный двигатель нецелесообразно устанавливать в фюзеляже. Проще было разместить его над ним. В целях простоты производства крыло и оперение было решено сделать деревянными. Даже бак для горючего намечалось выклеить из шпона. Шасси с носовым колесом обеспечило бы хорошие взлетно-посадочные качества машины.

Конструкторская проработка самолета «Хе-162» началась 24 сентября 1944 года, а уже 6 декабря он был поднят в воздух. При его испытании была достигнута максимальная скорость 840 км/ч на высоте 6000 метров. Случались и неудачи,

но Гитлер торопил, и самолет после незначительных доработок все же был запущен в серию.

Сегодня, 20 февраля 1945 года фюрер в своей резиденции, расположенной в Баварских Альпах, лично поблагодарил его, Эрнста Хейнкеля, и возглавляемый им коллектив за проделанную работу.

– Скорее, Хейнкель, скорее. Ваш самолет ждет Германия! – сказал он и пожал на прощание руку конструктора.

После этого даже сообщение о бегстве военнопленного не покорило Хейнкеля. Улетел, ну и черт с ним! Самолет-то русский. Вот если бы, не дай бог, на «Саламандре»!..

Впрочем, эти опасения были совершенно напрасны. У русских нет реактивных самолетов, а значит, управлять ими никто из них не умеет. Правда, по данным разведки года два назад была предпринята попытка полета реактивного самолета, но ничего из этого не получилось. Машина разбилась, а проект большевики заморозили. Теперь, наверное, хватились. А ведь у русских есть талантливые конструкторы.

Хейнкель вспомнил, как перед самой войной в Германию прибыла делегация советских авиастроителей и военных. Им показали ряд заводов, выпускавших новейшие самолеты, в том числе один из его, Хейнкеля. Ведь он был не только конструктором, но и крупным промышленником, владельцем ряда предприятий.

Помнится, тогда он пригласил русских на обед. С ним были его ближайшие помощники, летчики-испытатели и

представители Министерства авиации. Обед проходил очень оживленно, Хейнкель провозглашал много тостов и сам изрядно выпил. Он хвалил русское искусство, икру и водку, в довершение всего вдруг, коверкая слова, запел «Стеньку Разина». Это прозвучало до того неожиданно, что в первый момент никто не поверил, что поет сам Хейнкель. Откуда он знал эту песню? Скорее всего, слышал, записанной на пластинку, в исполнении знаменитого Шаляпина.

Его любовь, если это слово здесь вообще уместно, к русским объяснялась просто. В трудное для него время, в начале тридцатых годов, советский заказ на катапульту и летающую лодку, изобретенные им, выручил его из финансовой беды. Заказ Хейнкель выполнил в срок.

Да, быстро летит время. Сон не шел, Хейнкель открыл глаза. Его мысли из прошлого переместились в настоящее. Интересно, как отреагирует Мессершмитт, узнав о результатах сегодняшней встречи с фюрером? Его неуклюжий и ненасытный по части топлива «Me-262» окажется вдвое тяжелее «Саламандры».

Но не только дух соперничества заставлял Эрнста Хейнкеля недолюбливать, а порой и ненавидеть своих конкурентов, авиастроителей и ракетчиков. Дело в том, что он внешне походил на еврея, несмотря на то что был чистый немец. Хейнкель втайне завидовал Вилли Мессершмитту и Вернеру фон Брауну, внешность которых олицетворяла собой принадлежность к арийской расе. Как-то утешало его то обсто-

ительство, что и министр пропаганды доктор Геббельс мало походил на арийца. Да и сам фюрер, чего уж греха таить.

При мысли о фюрере Хейнкель очнулся и посмотрел по сторонам так, словно опасался, что его подслушивают. Но в машине, кроме шофера, никого не было. За окном по-прежнему мелькали зеленые отроги гор. Хейнкель облегченно вздохнул и снова закрыл глаза. Ему вспомнилось далекое детство.

Он родился в тихой горной деревушке Грюнбах, недалеко от Штутгарта. Еврей? Да их сроду не было в Грюнбахе. Его мать, Катарина Хейнкель, урожденная Хандер, была из той же деревни. Ее предки занимались выращиванием винограда. Отец, Карл Хейнкель, был жестянщиком. Маленький Эрнст часто бывал в большом доме, на первом этаже которого размещались лавка и мастерская отца, помогал ему.

Когда он с отличием окончил школу, отец понял, что у сына большое будущее. Он должен получить высшее образование и стать инженером. Так перед деревенским мальчиком открылись двери Высшей технической школы Штутгарта.

5 августа 1908 года он считал вторым своим днем рождения, потому что впервые увидел летательный аппарат. Нет, не самолет, а дирижабль. «Цеппелин LZ4» со своим создателем на борту величаво проплыл в безоблачном небе и совершил посадку на окраине Штутгарта. Множество людей устремилось туда. Среди них был и он, двадцатилетний студент Эрнст Хейнкель, который как зачарованный любовался

невиданным чудом техники.

Вдруг корпус дирижабля охватило голубоватое пламя, и он начал оседать на землю! На глазах у всех чудо техники превратилось в груды искореженных металлических ферм.

Он помнил душераздирающие крики создателя дирижабля графа фон Цеппелина:

«Мне конец! Мне конец!».

Может быть, именно тогда он, Эрнст Хейнкель, понял, что будущее не за дирижаблями, а за летательными аппаратами тяжелее воздуха. А после было...

Скрип тормозов заставил Хейнкеля очнуться. Шофер остановил автомобиль у самых ворот. Хейнкель неторопливо вышел из машины. Его встречал один только группенфюрер Брайтнер.

Хейнкель понял, что прежде чем он соберет своих ближайших сподвижников и передаст им благодарность фюрера, ему предстоит разговор с Брайтнером по поводу бегства русского пленного. Своей вины в случившемся Хейнкель не чувствовал. Кому какое дело, что он создал маленький музей авиационной техники? Там были русские, американские, английские боевые машины. С ними воевали, их сбивали самолеты, созданные им, Хейнкелем. Ничего секретного. Новейших германских самолетов тут не было.

Эти олухи в черных мундирах прошляпили бегство русского и хотят бросить тень на него, создателя собственного музея. Нет, господа из СС, ничего у вас не получится. В дан-

ный момент он, Эрнст Хейнкель, пользуется неограниченным доверием фюрера, потому что создает оружие возмездия для Германии. Одно его слово, и...

Хейнкель холодно ответил на приветствие Брайтнера и после небольшой паузы произнес одно слово:

– Знаю.

Брайтнер был хмур.

– Что будем делать, господин Хейнкель? Наводить страх? Расстреливать? – осведомился он.

– Расстреливать, говорите? Тогда вашим людям снова придется выезжать в концлагеря и искать им замену, с большим трудом находить тех людей, которые хоть немного соображают в авиационной технике.

– Все-таки, господин Хейнкель, каковы ваши предложения?

Создатель самолетов снизу вверх посмотрел на высокого Брайтнера и ответил:

– Мои предложения? Никаких массовых устрашений и расстрелов! Если кого и покарать, то только двух-трех человек самых виновных, в том числе из охраны. Главное сейчас не в этом. Я только что от фюрера. Он верит в нас, в нашу «Саламандру». А поэтому работать, работать и работать!

Авиационный завод, расположенный близ австрийского городка Хинтербрюль, недалеко от Вены, был одним из нескольких таких предприятий, принадлежащих фирме

«Хейнкель» и выпускавших реактивные самолеты «Хе-162» «Саламандра». Планировка завода была довольно хитрая. Часть цехов располагалась у подножия гор, но основное производство, сборочное, было упрятано в старых меловых шахтах. Несмотря на строгую секретность, готовые фюзеляжи «Хе-162» рабочие часто выкатывали оттуда, поскольку шахты были слишком узкими для монтажа крыльев. А жесткие задания по выпуску самолетов нужно было выполнять неукоснительно.

Завод в Хинтербрюле являлся любимым детищем Хейнкеля в первую очередь потому, что был хорошо защищен. Цеха, расположенные у подножия гор, плохо просматривались с большой высоты, на которой летали английские и американские бомбардировщики. Опуститься ниже для них было опасно. Зенитные батареи, расположенные в горах, своими залпами доставали их. Бомбометание с больших высот давало сильный разброс, так как союзная авиация была по территории, а не по цели. Что же касается меловых шахт, то там производство было защищено еще надежнее. Вся территория завода была огорожена колючей проволокой под током, а через каждые пятьсот метров возвышались сторожевые будки.

Три других завода, выпускавших «Хе-162», находились в Ростоке, Хордхаузене и в Бернбурге. Все они располагались на открытой местности и к февралю 1945 года подвергались интенсивным бомбардировкам.

Почти вплотную к заводу в Хинтербрюле примыкали территории двух концлагерей, а также поселения для вольнонаемных и расконвоированных работников. Лагерь номер один был фильтрационным. Людей, прибывших из других концлагерей Германии, Австрии, Польши, там сортировали в зависимости от их специальности. Тех, кто подходил для работы на авиазаводе, отправляли в лагерь номер два. Всех прочих ждала одна дорога – в крематорий.

В лагере номер два режим был, конечно, не такой жесткий, как в Освенциме, Бухенвальде или Дахау. Но за малейшую провинность заключенный мог угодить обратно, в лагерь номер один. А там крематорий дымил и днем, и ночью.

На авиазаводе работали люди различных национальностей. Вольнонаемных администрация набирала из немцев, австрийцев, венгров, чехов и итальянцев. Им доверяли основные виды работ. К расконвоированным относились военнопленные из Франции, Голландии, Дании, Бельгии. На заводе они носили одежду с опознавательным знаком «А», что означало «ауслендер», то есть иностранец. Им разрешалось посещать небольшие городки, увеселительные заведения и магазины, в которых они по карточкам получали продукты.

Только русские и поляки были лишены чести попасть в эту категорию. Первые носили на одежде знак «R», русский, вторые – «P», поляк. В аусвайсах, документах, представляющих собой кусок картона с номером заключенного, были небольшие фотографии в анфас и в профиль, а также над-

пись «Работа под надзором».

Да, режим в концлагере номер два был терпимее, нежели в других, расположенных на территории рейха. В первую очередь это касалось питания. Заключенных здесь голодом не морили, понимали, что работник должен быть сыт, хотя бы относительно. Но главное заключалось в том, что к концу войны людей в рейхе катастрофически не хватало. Поэтому пленными перестали брезговать, особенно теми, кто имел хоть какую-то квалификацию.

Страх не было, его место занимала злость. Побег, успех которого он оценивал как один шанс из ста, удался. Теперь он обладал наиценнейшими сведениями, а его хотели сделать предателем, козлом отпущения. Побои почти не чувствовались, хотя люди Купцова крепко отделали Званцева.

Очувтившись в холодном сарае, старший лейтенант устало плюхнулся на солому и закрыл глаза. Но сон, несмотря на жуткую усталость, не шел.

Этот сарай очень напоминал ему холодный продуваемый барак, куда месяц назад гитлеровцы согнали двадцать пять советских военнопленных, имевших отношение к авиации. Эти люди были последними, которых им удалось собрать в близлежащих концлагерях.

За столом восседали двое в штатском, распорядитель работ и переводчик. Вдоль стен барака прохаживались эсэсовцы из охраны.

Игорь Званцев сидел на скамье из неотесанных досок в дальнем углу, напротив входа в барак. Настроение у пленника было самое отвратительное. Его товарищи, готовившие массовый побег из лагеря, расположенного в Чехии, уже, наверное, на свободе. А он, боевой летчик, сидит в этом проклятом бараке и слушает корявую речь распорядителя работ, а переводчик то и дело повторяет слово «расстрел».

Вдруг Званцев почувствовал, как чья-то рука опустилась на его плечо.

– Не оборачивайся, это я, Петр, – услышал он негромкую русскую речь с небольшим акцентом. – Если спросят, говори, что ты авиационный инженер.

Из двадцати пяти военнопленных, прибывших в лагерь, распорядитель работ отобрал восемь человек, имевших отношение к технике. В специальном помещении, похожем на деревянный сарай, они сбросили лагерные лохмотья и облачились в форму солдат чехословацкой армии. Очевидно, после ликвидации этого государства она в немалом количестве оставалась на складах. Каждому на спине вывели белой краской букву «R». Всех снабдили картонными карточками с соответствующим номером, надписью и фотографиями.

Игорь Званцев, точнее сказать, заключенный под номером 356, был единственным, кто попал в бригаду, занимавшуюся испытанием гидросистем самолета.

За массивной трансформаторной будкой их никто не видел. Они имели минуту на разговор.

– Петр! Не может быть! – воскликнул Игорь, едва они удалились от посторонних глаз.

– Тс-с-с. – Человек, названный Петром, улыбнулся, приложил указательный палец к губам и тихо произнес: – Запомни, я теперь Петер Рауш. Петр Шнайдер на время исчез.

Петр, он же Петер, говорил по-русски очень хорошо, с едва заметным акцентом.

– Ты теперь в моей бригаде, поэтому слушай меня и делай то, что я скажу, – добавил Петр.

Званцев смотрел в лицо брату и чувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. После стольких дней мытарств и унижений, тяжелых ночей, когда он в полудреме шептал: «Вернусь, обязательно вернусь», но уже почти не верил, что это случится, наконец-то радость, да еще какая! Сколько же они не виделись? Почти семь лет, с мая тридцать восьмого.

Очень скоро Игорь Званцев понял, что Петер Рауш, он же Петр Шнайдер, имевший возможность покинуть территорию завода, является участником движения Сопротивления. От Петра он узнал, где расположен завод, как охраняется, какую продукцию производит. Хотя об этом Игорь и сам догадывался, увидев, как из главных ворот, закрывающих вход в подземное пространство завода, один за другим выкатываются наружу новенькие небольшие самолеты без пропеллеров.

«Реактивные!» – сразу понял Званцев.

Его поразили две особенности этих самолетов: малогаба-

ритность и то, что двигатель располагался над фюзеляжем. Это было что-то новое.

Едва они в тот памятный день удалились от посторонних глаз и оказались за трансформаторной будкой, Петр сказал:

– Ты должен бежать и донести до своего командования все, что я тебе сообщил о самолете «Саламандра». Шансы мизерные, но рискнуть надо. «Саламандра» летать не должна. Она является одной из последних надежд Гитлера. Но это еще не все. Если ваши войска или англо-американцы будут приближаться к заводу, то фашисты уничтожат всех заключенных. Так что решайся.

– Бежать я готов, но как? – У Званцева учащенно забилось сердце.

– У Хейнкеля здесь есть небольшой музей авиационной техники. В нем имеются и ваши машины. Справишься?

– Обижает. Но самолет должен быть готов к полету.

– Все самолеты из музея находятся в исправном состоянии.

– А горючее? Кто заправит самолет?

– Это я и мои товарищи берем на себя. Так как? Согласен?

Игорь крепко схватил брата за плечи и заявил:

– Конечно, согласен. Но мы должны бежать вместе!

– Нет, – тихо ответил Петр. – Я и моя группа работаем на Лондон, на англичан. С вами, советскими, мы союзники. Но пойми меня правильно. В Лондоне сейчас находится наше правительство во главе с Бенешем, у меня свое командова-

ние. Поэтому к вам, в Россию, лететь я не могу. К тому же в Лондоне мой... наш отец.

Игорь молчал. Петр стал поглядывать по сторонам, понимая, что времени в обрез.

– Что задумался? – спросил он Игоря.

У Званцева вопрос был серьезный:

– Ну хорошо, перелечу я, сбегу. А что дальше? Бомбить завод бесполезно. Основное производство под землей, внутри горы. Ты же сам мне сказал, что англичане отказались от воздушных налетов.

Петр тяжело вздохнул.

– Ты прав. Я и сам думаю над этим. У тебя есть на этот счет какие-нибудь мысли?

Званцев чуть подумал и ответил:

– Пожалуй, есть. Слушай, ты ведь мне говорил, что у «Саламандры» крылья деревянные?

– Говорил, и что?

– Но ведь не было случая, чтобы к главным воротам подходил состав с древесиной. Только низкие платформы, на которых что-то основательно укрыто брезентом.

– Ты прав.

– Значит, крылья к «Саламандре» делают где-то на стороне.

Петр потер виски, начинающие сесть.

– Слушай, а ведь это мысль!

– А если это мысль, то давай отложим побег, пока ты не

разведаете все о заводе-изготовителе крыльев.

– Что ж, попробую. В первую очередь надо осторожно поговорить с машинистами. Завод обслуживают четыре железнодорожные бригады: две чешских и две немецких.

Через три дня Петр сообщил Игорю, что железнодорожный состав, перевозящий крылья к месту сборки новых реактивных самолетов, базируется где-то в районе городка Быстрица, расположенного в Чешских Татрах.

– А где конкретно? – спросил Званцев.

Петр отрицательно покачал головой и ответил:

– Это установить не удалось. Машинисты принимают уже готовый груженный состав. Из каких мест его подают, они не знают.

– Значит, в районе Быстрицы. Это уже кое-что, – сказал Званцев. – Ну а с тобой что будет? Ведь если я сбегу, то тебя сразу арестуют!

– Не волнуйся. Через несколько минут после взлета твоего самолета меня в Хинтербрюле не будет.

– В Прагу, домой?

– Нет, туда опасно. Поеду в Быстрицу. Там у меня любимая женщина. Кстати, если с тобой все будет нормально, и тебе или кому-то из ваших доведется быть в этой самой Быстрице, то я помогу.

Глаза Званцева горели.

– Быстрица, конечно, не Прага. Но все-таки где тебя там искать?

Петр на всякий случай огляделся по сторонам и ответил:
– Запомни, улица Яна Гуса, шестнадцать. Это почти у самого леса. Пароля нет. Надо просто спросить Петра.

Теперь было дело только за побегом. Он удался! А результат? Холодный вонючий сарай и приговор, который последует завтра.

Званцев, охваченный воспоминаниями, резко поднялся, выругался, пнул сторяча пустое ржавое ведро и сжал кулаки. Ну почему ему никто не верит, не желает его выслушать? В контрразведке Смерш и военной прокуратуре вроде бы должны служить государственные люди. Однако у них все мысли в одном направлении. Они хотят посадить или поставить к стенке как можно больше врагов. Теперь известно, каких именно. Секреты настоящего противника их не интересуют.

Да еще эта бывшая его супружница, в прошлом комсомольский деятель. Черт ее сюда принес. Она только разбередила память о мае тридцать восьмого. Хорошее было время, не вернуть его.

Много лет спустя, будучи уже солидным мужем, Игорь Николаевич Званцев, ведущий инженер одного из крупных авиационных заводов, ловил себя на не самой простой мысли. Тридцать восьмой год, повсюду аресты, черные воронки по ночам, суды, процессы, расстрелы, а он с радостью вспоминал тот май. Что так? Почему? Возможно, по самой простой причине. Он был тогда молодым.

Часть вторая

Май тридцать восьмого

В тридцатые годы социалистический Советский Союз и капиталистическая Чехословакия активно сотрудничали в военно-технической сфере. Чешские заводы «Шкода» и «ЧКД», оснащенные новейшим оборудованием, были сравнимы по своим возможностям с немецкими гигантами «Крупп» и «Тиссен». Заводы «Шкода» специализировались на производстве самых различных видов артиллерийских орудий. СССР, осуществлявший тогда перевооружение Красной армии, был заинтересован, в первую очередь, в горных орудиях и тяжелых гаубицах.

В то же время советские конструкторы создали отличный для своего времени скоростной бомбардировщик «СБ-2». Он очень нравился чешским военным, поскольку развивал скорость до 424 км/ч, превосходил самые быстрые самолеты, имевшиеся в этой стране. В результате в начале 1937 года было подписано соглашение, по которому «Шкода» передавала Советскому Союзу лицензию и техническую документацию на изготовление горных пушек «С-5» в обмен на право производства советского бомбардировщика «СБ-2». Предполагалось, что в Чехословакии будет изготовлено порядка 160 таких самолетов.

Но производство разворачивалось очень медленно. Тогда чехословацкие военные решили приобрести в СССР 60 самолетов «СБ-2». В конце апреля 1938 года, перед самым Первомайским праздником в СССР для их получения прибыла достаточно внушительная делегация.

Игорь Званцев окончил Московский авиационный институт, стал инженером и получил направление на подмосковный завод, выпускавший помимо других самолетов скоростные бомбардировщики «СБ-2». При заводе работал аэроклуб, в котором учились летному делу не только молодые рабочие и инженеры этого предприятия, но и молодежь городка, на окраине которого оно располагалось.

В те годы авиацией болели миллионы представителей советской молодежи. «Комсомолец – на самолет!», «Трудовой народ, строй воздушный флот!», «Все выше, выше и выше стремим мы полет наших птиц». Эти лозунги, слова песни знал каждый. Число аэроклубов росло по всей стране в связи с тем, что при бурно развивающейся авиационной промышленности ощущалась острая нехватка авиаторов.

Ликвидировать такое несоответствие правительство решило через сеть аэроклубов такой организации, как ОСО-АВИАХИМ, Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству. Первичную подготовку летчиков было решено осуществлять без отрыва от работы или учебы.

Денег на аэроклубы государство не жалело. Появлялись

учебные самолеты, строились ангары, ремонтные базы, общежития для обслуживающего персонала. В то же время требования к людям, желающим стать курсантами – учлетами, как их называли, – предъявлялись очень строгие, причем не только по состоянию здоровья. Кандидатам для поступления необходимо было помимо медицинской пройти еще и мандатную комиссию, состоящую из председателя, то есть главы аэроклуба, представителей ОСОАВИАХИМа, ВЛКСМ, ВКП (б) и НКВД. Нужно было заполнить анкету и предъявить характеристику с места работы или учебы.

Игорь Званцев прошел все указанные комиссии, будучи еще студентом, и с середины первого курса стал посещать Тушинский аэроклуб. В канун защиты диплома он получил удостоверение летчика-инструктора, которое очень пригодилось ему во время работы на авиазаводе. Инженерам, работавшим еще и инструкторами летного дела, неплохо доплачивали к основному заработку.

В тот теплый предмайский день Званцева вызвал к себе секретарь парткома предприятия Трясогузкин. На заводе и в аэроклубе этого человека знали все, побаивались, но и уважали.

Его предшественник вместе с замом и рядом руководящих работников завода был арестован полгода назад. Став секретарем парткома, Трясогузкин гневно клеймил этих врагов народа. Но справедливости ради нужно сказать, что при нем аресты на заводе прекратились, даже несмотря на то, что

в его кабинет частенько наведывался человек в форме старшего лейтенанта НКВД. Видимо, он приносил на согласование планы по врагам народа.

Однажды люди, сидевшие в приемной, услышали сквозь неплотно закрытую дверь, как Трясогузкин решительным голосом произнес:

«Ну да, арестуешь ты еще двадцать человек, а кто работать будет?»

Сотрудник НКВД вышел и хлопнул дверью.

На следующий день многие на заводе уже знали, что нынешний секретарь парткома своих в обиду не дает. Еще люди шептались, что Трясогузкина могут арестовать, как и его предшественника. Но обошлось.

Дело заключалось в том, что Трясогузкин, парторг ЦК ВКП (б), имел возможность позвонить по прямому проводу лично товарищу Сталину. Так и сделал, сказал, что аресты срывают план по выпуску самолетов. После этого сотрудник НКВД на заводе не появлялся.

Грузный, небольшого роста, в полувоенной форме, с орденом Красного Знамени на груди, Трясогузкин каждый день наведывался в цеха и заводские службы, давал ценные указания, а часто просто мешал работать. Заходил он и на летное поле, там, прямо как заправский инструктор, начинал руководить полетами. Никто и ничего не мог ему возразить.

Когда Званцев переступил порог кабинета, Трясогузкин восседал за массивным столом с тремя телефонами.

– Вот что, Званцев, – начал он, хмурым взором окинув молодого инженера. – Ты, вообще-то, у нас на плохом счету, человек недисциплинированный, несдержанный, но летчик толковый, да и по инженерному делу вроде бы нареканий нет. К тому же немецкий знаешь. К нам тут прибыли чехи за самолетами. Среди них есть молодые летчики. Они хотят увидеть наш аэроклуб. Поручаю это тебе. Покажи им наши учебные самолеты, ангары, классы, свози в Москву на Первомайскую демонстрацию. Пусть знают, как счастливо живут советские люди.

– Товарищ Трясогузкин, а почему я на плохом счету? – осведомился Званцев. – Вы же сами сказали, что я неплохой летчик и инженер.

Трясогузкин всегда злился, когда его называли по фамилии, а не по должности. Сам он был небольшого роста и полным, недолюбливал тех, кто являлся ему противоположностью, то есть высоких и худых. Игорь Званцев относился к числу именно таких людей.

Поэтому Трясогузкин довольно резко проговорил:

– Ты что, забыл, как на низкой высоте пролетел над колхозным рынком? Люди и лошади от шума кидались в стороны. Зачем колхозников распугал?

– Что они, самолета не видели?

– Не философствуй!

– Но я не хотел никого пугать. Так уж получилось.

– Получилось!.. Знаем мы вас. Все вы хотите Чкалову под-

ражать! А с Махневым?... За что ты ему врезал по физиономии?

– Он пьяный был, приставал к девушке-курсанту. При этом обозвал ее...

– Я знаю, как он ее обозвал. Однако рукоприкладство по отношению к своему товарищу, летчику-инструктору совершенно недопустимо. Тем более что он старше тебя. Это тебе не царские времена! Ты хоть извинился?

– И не подумаю.

Трясогузкин ругнулся, тут же обмяк и заявил:

– Ладно, забирай своих чехословаков, да только не натвори снова чего-нибудь.

Но натворить пришлось.

Все три чехословацких летчика были как на подбор, выше среднего роста, светловолосые, улыбочивые.

Самый старший из них по званию первым шагнул навстречу и подал руку.

– Лейтенант Петр Шнайдер!

– Званцев Игорь, летчик-инструктор, авиационный инженер.

Услышав фамилию, Петр Шнайдер поневоле вздрогнул. В глазах у него появилось не то удивление, не то страх. Но это секундное замешательство осталось для Игоря незамеченным.

Затем Шнайдер представил двух своих товарищей – То-

маша Чаславского и Ярослава Гонзу. По-русски они говорили слабо, зато Петр изъяснялся на редкость хорошо, почти без акцента.

Первомайская демонстрация в Москве не особо впечатлила гостей. Их интересовали самолеты, аэроклуб. Званцев поводил их по территории, показал учебные классы тактики, навигации, двигателей, класс электрооборудования. В огромной аудитории находился «У-2» с полностью оборудованными кабинами летчика и штурмана, служивший тренажером для начинающих курсантов.

Потом они подошли к стенгазете «Самолет». Чехословацкие летчики всматривались в фотографии курсантов в летной форме, переглядывались, улыбались. Текст стенгазеты, написанный от руки, Петр разбирал с трудом. Пришлось Званцеву пересказывать ее содержание.

Потом все прошли на летное поле, осмотрели вышку для прыжков с парашютом и наконец-то направились к самолетам. Новейших «СБ-2» в аэроклубе не могло быть, зато учебные «У-2» имелись в немалом количестве. Некоторые из них стояли прямо на летном поле. Ангаров для всех не хватало.

– «У-2» представляет собой одномоторный двухместный биплан, то есть самолет с двумя парами крыльев в параллельных плоскостях, с фюзеляжем из дерева. В хвостовой части он обшит полотном, – не торопясь, с расстановкой пояснял Званцев гостям, а Петр Шнайдер переводил его слова. – Стабилизатор и хвостовое оперение съемные, шасси

трехстоечное, неубирающееся, с амортизатором из резины. Мотор воздушного охлаждения, сто двадцать пять лошадиных сил, винт двухлопастной. – Званцев замолчал и окинул взглядом своих слушателей, мол, понятно вам или нет?

Но было видно, что чехословацкие гости все понимают благодаря Петру Шнайдеру, который оказался очень даже неплохим переводчиком.

И Званцев продолжил:

– Самолет создан для первоначального обучения летчиков, но может быть использован как транспортный или санитарный. Он прост в управлении, надежен и, что особенно важно, легко выводится из штопора.

При слове «штопор» гости переглянулись. Званцеву было ясно, что они, пилоты, конечно же, знают, что это такое, но с переводом оказалось сложно. Пришлось Игорю пояснять жестом.

Молодые чехословацкие летчики слушали его внимательно, задавали вопросы. Особенно усердствовал Томаш Чаславский. Его интересовало буквально все – от устройства самолета и организации аэроклуба, до того, какое пиво предпочитают летчики. Поскольку, кроме «Жигулевского», другого пива Званцев не знал, ответ его был очевиден.

Петр Шнайдер тоже иногда о чем-то спрашивал, но выглядел каким-то сосредоточенным. Похоже было на то, что он обдумывал что-то свое, совершенно личное.

Ответы на вопросы в учебном классе – хорошо, но Игорь

чувствовал, что этого мало. Чехословацким летчикам хотелось увидеть самолет в небе. Пришлось Званцеву, летчику-инструктору, переодеть гостей в экипировку курсантов.

Когда они снова вышли на летное поле, ближе всех к ним стоял тот самый «У-2», на котором еще вчера вечером летали летчики-курсанты. Поэтому Званцев выбрал именно этот самолет.

– Далеко собрался? – послышалось у него за спиной.

Игорь обернулся. Перед ним стоял дежурный по аэроклубу Михеев. Михеичу, как любовно называли его здесь, было под пятьдесят. Авиационным техником он служил еще в империалистическую, не раз летал, самолеты знал очень хорошо. Правда, пилотирование ему нынче уже не разрешали, возраст сказывался, да и нога побаливала. Человек он был одинокий, а потому часто подменял многих на дежурстве в праздничные дни.

– Нашу технику желаю показать гостям, – ответил Званцев.

– А почему они в шлемах и комбинезонах? Учить будешь?

– Их учить не надо, они опытные летчики.

– Это те самые, которые из Чехословакии прибыли к нам за самолетами?

– Ну да, они и есть.

Тут Михеич вдруг ударился в воспоминания:

– Всадили в меня две пули эти твои чехи и словаки в восемнадцатом под Самарой. До сих пор правая нога ноет.

– Две пули, говоришь? Очевидно, одну всадил чех, а другую – словак?

Кустистые брови Михеича сдвинулись.

– Смеешься, паршивец! Я ведь за тебя в Гражданскую воювал, за то, чтобы не было буржуев на нашей земле.

Званцев совсем развеселился.

– Ох, спасибо тебе, дорогой Михеич, за доброе дело. Только вот Гражданская война давно закончилась.

– Но товарищ Сталин учит нас бдительности!

«Послал же сюда черт такого дурака», – мелькнуло у Званцева в голове, но обострять отношения с дежурным он не стал.

– Ты ведь сам сказал, что чехословацкие летчики прибыли покупать наши самолеты, – поучительным тоном произнес Игорь. – Они их ценят.

Михеич успокоился.

– А разрешение начлета есть? – спросил он.

Подготовка курсантов в аэроклубе проходила под руководством начальника летной части Грачковского. Без его разрешения подниматься в воздух имели право только летчики-инструкторы. Позволение на вылет с курсантами или с кем-нибудь другим давал именно Грачковский.

– Летай один. А их в кабину садить не смей! – проворчал Михеич.

Но Званцев не унимался.

– Слушай, дорогой, поручение показать самолеты чехам

мне дал сам Трясогузкин. Разве этого мало?

Услышав фамилию секретаря парткома, Михеич осекся.

Пока он размышлял, Званцев пошел в атаку:

– Разреши, Михеич. Никто ведь не узнает. Ну?.. С меня пузырь.

Обещание поставить бутылку подействовало убедительней, чем фамилия секретаря парткома.

Михеич, любивший заложить за воротник, сдался и пробубнил:

– Ладно, два-три круга, не больше. Никаких там низких разворотов, виражей и штопоров!

Званцев дважды четко выполнил наказ дежурного, с каждым чехословацким летчиком, сидевшим на месте штурмана, сделал по три круга. Оставался третий, которого звали Петр Шнайдер.

– Игорь, я очень хочу видеть штопор, – заявил он.

Званцев оглянулся. Михеич понаблюдал за двумя полетами и удалился восвояси, уверенный в том, что и третий будет точно такой же.

Игорь решился. Если честно, ему хотелось продемонстрировать чехословацким летчикам именно штопор, показать, как легко учебный «У-2» выходит из этой критической ситуации.

Он набрал тысячу метров, покружил над лесом, большим колхозным полем, заводскими окраинами. Дома, стоявшие там, отсюда казались маленькими, игрушечными. А небо ка-

кое! Совершенно чистое, ни малейшей облачности. Как раз для полетов.

Званцев круто повернул самолет, сбросил газ. Скорость упала, пора входить в штопор. Так, хорошо, высота все меньше и меньше. Самолет идет к земле с вращениями. А теперь самое главное – выход из штопора! Для этого достаточно ручку управления перевести в нейтральное положение, и самолет сам все сделает.

Но что это? Машина не слушалась. Ее по-прежнему штопорило.

Виток, еще виток. Званцев почувствовал, как играют нервы, и покрылся потом. За свою летную практику он штопорила на «У-2» десятки раз, и лично, и с курсантами. Что случилось с машиной сейчас? Земля уже совсем близко.

Все-таки он вырулил, но посадил самолет не на взлетном поле, а на лесной поляне, врезался в чащу.

Придя в сознание, Игорь услышал цокот мотоцикла. К ним спешили начлет Грачковский и двое санитаров. У одного из них в руках был большой белый баул с красным крестом.

Званцев не без труда выбрался из кабины. Его волновало только одно. Что с Петром? Услышав слабые стоны, которые издавал чех, он облегченно вздохнул. Жив!

– Если с ним что случится, пойдешь под суд, – заорал Грачковский, подбежав к самолету, и обложил Званцева крепким матом.

Петр тем временем открыл глаза и попытался улыбнуться.

– Да жив он, – сказал Званцев, кивнул в его сторону и ухватился за крыло, чтобы не упасть. Голова сильно кружилась, к груди подступила тошнота.

Если бы он знал, что эта катастрофа будет поворотным пунктом в его дальнейшей жизни!

Их поместили в медсанчасть завода, в одной палате, на соседних койках. Званцев отделался сотрясением мозга и переломом левой руки. У Петра была сломана ключица и повреждено колено.

Начались хождения в палату. Первым посетителем, конечно же, стал Трясогузкин.

Секретарь парткома погрозил Званцеву пальцем, отругал его, правда, без мата, кивнул в сторону койки, на которой лежал Петр, и заявил:

– Ты его чуть не угробил, поэтому шефствуй над ним, чтобы их глава не имел к нам претензий.

Но руководитель чехословацкой делегации не только не предъявил претензии за полет на грани, но и попросил руководство завода поощрить летчика-инструктора, который показал свое мастерство, выйдя из штопора у самой земли.

Вскоре Игорь и Петр стали прогуливаться в небольшом скверике у медсанчасти. Ноги у Званцева были в порядке, а чех передвигался, опираясь на палочку.

Они много разговаривали, конечно, на русском, ведь чеш-

ским Игорь не владел. Прошла неделя, и Петр уже говорил почти без акцента. Он постоянно расспрашивал товарища по несчастью о работе, учебе, увлечениях, при этом лишь однажды, как бы невзначай, поинтересовался семьей.

А что Игорь Званцев мог поведать о своей семье? Его воспитывала одна мать, учительница немецкого языка. Отец погиб в Первую мировую войну, которую чехи называли Великой.

Он задал было и Петру вопрос о семье, но тот ушел от ответа, лишь с непонятым волнением в голосе спросил:

– А кем был твой отец на войне?

– Летчик, поручик Званцев Николай Порфирьевич. Его самолет сбили в шестнадцатом над позицией австро-венгров. Может, именно поэтому меня тянет к авиации.

Игорь окинул взглядом собеседника. Ему показалось, что его чешский друг хочет сказать что-то важное, но не решается. Так и случилось, но только после.

Утром в день отъезда Петр в полной военной форме зашел попрощаться. В отличие от Игоря, он почти выздоровел, лишь немного прихрамывал. Примерно через час за ним должен был заехать представитель чехословацкого посольства. Летчики, товарищи Петра, несколько дней назад, пока он долечивался, отбыли домой на новых скоростных «СБ-2».

Они стояли друг против друга в том самом скверике у медсанчасти, где каждый день совершали прогулки. Ласковое майское солнце предвещало хороший день.

Прощаясь, Игорь улыбнулся, протянул руку. Петр в ответ сделал то же самое. Но в руке у него что-то было.

– Это тебе. Прочти и никому не показывай, – негромко сказал Петр, вложив конверт в ладонь Игоря.

Званцев снова почувствовал волнение в его голосе.

Он осторожно вскрыл заклеенный конверт из плотной бумаги, достал листок, развернул. Ни на конверте, ни на листке имени и адреса не было. Но это письмо было послано именно ему, Званцеву Игорю Николаевичу.

Здравствуй, дорогой сын!

Мало надежд, что мое письмо попадет к тебе, но я по натуре оптимист, верю в хорошее. Не знаю, что говорила тебе мама обо мне, только я, как видишь, жив. В июне 1916 года во время знаменитого Брусиловского наступления мой самолет был подбит. Я сделал вынужденную посадку на территории противника и попал в плен к австрийцам. Я очень хотел вернуться домой, но в России произошла революция. Я решил ее переждать, потому что жизнь царского офицера мало чего стоила. Воевать же в Гражданскую, когда русские бьют русских, я не пожелал. А в октябре 1918 года Австро-Венгрия распалась и образовалась Чехословацкая республика. Наш лагерь находился на территории Чехии. Офицерам разрешалось под честное слово посещать близлежащий городок. Там у меня появились друзья и женщина, с которой я связал свою дальнейшую судьбу. После поступил на

службу в чехословацкую армию, в одну из ее авиационных частей. Дослужился до полковника. Год назад ушел в отставку. Сейчас живем с женой Эльзой и дочерью Марией в небольшом доме на окраине Праги. Пенсии хватает. Еще пишу книгу о войне. А мое авиационное дело продолжает сын Петр, который и передаст тебе это письмо.

Дорогой сын, мой милый Игорек! Я тебя так называю потому, что у меня есть фотография, а на ней ты, пятилетний, сидишь у мамы на коленях. Я знаю, какая у вас в Советской России тяжелая обстановка. Арестовать могут по малейшему подозрению. Поэтому о моем письме никому не рассказывай. Покажи только маме и уничтожься.

Ради бога простите, что так получилось. Всегда ваш,

ЗНП.

Инициалы ЗНП означали Званцев Николай Порфирьевич.

Игорь еще раз перечитал письмо, огляделся вокруг так, словно боялся, что кто-то за ним следит, потом посмотрел в глаза Петру и сказал:

- Выходит, мы с тобой братья?
- Да, братья, – тихо отозвался Петр.
- У меня есть еще и сестра?

Вместо ответа Петр достал из внутреннего кармана куртки небольшую фотографию. Это был семейный снимок примерно пятилетней давности, потому что Петр на нем выгля-

дел юношей, а сестра Мария – совсем девочкой, с косичками. Отец на фото был в военной форме, а его жена Эльза напоминала актрису из какого-то фильма, улыбалась и выглядела заметно моложе матери Игоря.

Первым желанием Званцева было попросить Петра оставить ему фотографию, но он не решился это сделать. Его охватила какая-то грусть, доселе совершенно неведомая. Кажалось бы, нужно радоваться. Он впервые увидел отца, пусть и на фото. Так нет.

Игорь еще раз окинул взглядом человека в военной форме, вернул фотографию и тут же спросил:

– Скажи, почему ты носишь фамилию Шнайдер, а не Званцев?

– Меня так записали при рождении, – ответил Петр, пожал плечами и добавил: – Таково было желание матери.

– А кто она у тебя? Немка?

– Немка, но ее родители жили в России. Когда началась война, им пришлось эмигрировать.

– Работает?

– Она владеет небольшой швейной мастерской.

Они чуть помолчали, потом Игорь спросил:

– Слушай, Петр, а как ты меня нашел? Почему ты решил, что я и есть тот самый Званцев Игорь Николаевич, который приходится тебе братом по отцу?

Петр снова пожал плечами и проговорил:

– Сам не пойму. Когда отец узнал, что мы едем в ваш го-

родок за самолетами, он написал для тебя письмо и вручил его мне. Видимо, кто-то сообщил ему, что ты здесь работаешь. При этом отец строго сказал мне, чтобы я передал тебе письмо – как это у вас? – с глаза...

– С глазу на глаз.

– Да-да, с глазу на глаз. Это стало возможным только сегодня.

Послышался шум подъезжающего автомобиля.

– Это за мной, – с грустью в голосе сказал Петр, и братья на прощание обнялись.

Самолет, на котором летали Игорь и Петр, сильно не пострадал. Сломаны были только винт и часть крыла. К тому же комиссия установила, что в системе управления были неисправности. Об этом инциденте вроде бы все стали понемногу забывать. Ведь в летном деле, да еще с учебным самолетом, и не такое бывает. Но это только казалось.

Кроме партийной организации во главе с Трясогузкиным, не желавшим широкой огласки случая с самолетом – ведь Званцев все-таки выполнял его поручение, – на заводе, конечно же, существовала еще и комсомольская, секретарем которой был некто Коробков. Главным достоинством этого субъекта было умение долго болтать впустую и при этом видеть всюду вредительство. «Тот еще балабол», – говорят в народе про таких людей.

Именно балаболом его однажды и обозвал Званцев, да

еще при людях, вот и нажил себе врага. Коробков в долгу не остался. Вскоре после инцидента с самолетом на стенах цехов появились объявления о комсомольском собрании, на повестке дня которого стоял только один вопрос: «Персональное дело комсомольца Званцева».

Явка была почти стопроцентной. Небольшой зал заседаний был набит до предела.

Коробков, как и всегда, разразился длинной речью, в которой подробно перечислил все подвиги комсомольца Званцева: воздушное хулиганство, выразившееся в низком полете над колхозным рынком, драку с Махневым и, конечно, самовольные, без разрешения, полеты с военнослужащими буржуазной страны, закончившиеся аварией самолета.

– Таким нарушителям дисциплины, как Званцев, не место в рядах Ленинского комсомола! – закончил свою пламенную речь Коробков и указал рукой на Игоря, сидевшего в первом ряду напротив стола президиума.

После были еще выступления, конечно же, в поддержку секретаря. Но все они оказались какими-то вялыми, совершенно однотипными. Люди, присутствующие в зале, знали, что если бюро, состоявшееся накануне, приняло какое-то решение, то мнение собрания будет пустой формальностью.

Игорь это тоже прекрасно знал. Он сидел и почти не слушал ораторов.

Все его мысли были только о письме отца. «Май тридцать восьмого, ты все перевернул в моей судьбе, – размышлял

он. – Но почему мама не сказала мне, что отец жив? Неужели она тайно переписывалась с ним? Скорее всего, так оно и было. Иначе как отец узнал бы о том, кем я стал и где работаю?».

– Дайте Званцеву слово!

– Игорь, чего молчишь? – раздались крики из зала.

Его, пилота-инструктора, хорошо знали на заводе. Многие парни и девушки, присутствующие на собрании, совершали свои первые вылеты под его руководством.

Он прервал раздумья, не спеша поднялся, оглядел всех.

«А вдруг кто-нибудь из них видел, как я читал письмо отца и как мы с Петром обнялись на прощание? Пойдут вопросы. Нет, надо скорее заканчивать этот балаган», – подумал Званцев.

– Я признаю свою вину. Но у меня не было злого умысла, – негромко произнес он и решил, что больше ничего не скажет.

Зал затих.

– Ставлю на голосование! – торжественно произнес Коробков.

Но в этот момент в зале появилась она.

– Разрешите! – Девушка протянула вверх руку и протиснулась сквозь плотные ряды.

Затем она остановилась у стола президиума, повернулась лицом к залу.

Званцев оживился, поднял голову. На заводских девушек

и курсанток аэроклуба незнакомка внешне не походила. Те носили короткие стрижки и летом одевались удивительно схоже. У всех светлые блузки, юбки и босоножки, больше похожие на тапочки. А эта!.. Строгое платье из темно-синего крепдешина в мелкий цветочек, туфли на каблуках, волосы густые, спадающие на плечи. Но больше всего Игоря поразила какой-то зажигательный блеск в ее глазах, темных, под цвет волос.

– Кто вы такая? Представьтесь, – заявил Коробков, изрядно удивленный.

– Маргарита Мещерская, член бюро Замоскворецкого райкома комсомола, студентка университета. В вашем городке прохожу преддипломную практику. – Девушка окинула взглядом зал и продолжила: – Товарищи! Я все слышала и хочу высказать свое мнение, но не собираюсь никому его навязывать. А мнение мое таково. Исключение из рядов ВЛКСМ комсомольца Званцева – наказание слишком суровое. Поясню. Званцева обвиняют по трем пунктам. Первый – воздушное хулиганство. Но, товарищи, наши люди из сельской местности, колхозники еще не привыкли к самолету. Пройдет год-другой, и те люди, которые прятались от гула мотора, будут кричать «Ура!» и приветствовать летчиков. Пункт второй – драка. Я считаю, что комсомолец должен драться только с врагами своей страны, противниками идей коммунизма. Но у Званцева, который первым ударил инструктора Махнева, есть смягчающее обстоятельство. Он

защищал честь девушки. И, наконец, третье – авария самолета. Комсомолец Званцев без разрешения начальника летной части при попустительстве дежурного поднимал в воздух самолет, да еще с иностранными военными. Последний полет едва не закончился трагедией. Но и здесь имеются смягчающие обстоятельства. Самолеты и аэроклуб комсомолец Званцев показывал чехословацким летчикам по поручению секретаря парткома. Товарищ Трясогузкин, вы подтверждаете это? – обратилась она к этому человеку, как раз появившемуся в дверном проеме.

– Подтверждаю! – выкрикнул тот и тут же ретировался.

А девушка вошла во вкус и продолжила:

– Товарищ Коробков назвал Чехословакию буржуазной страной? Да, это верно, хотя нужно иметь в виду, что Чехословакия – это не фашистская Германия. Она сама может подвергнуться агрессии со стороны Гитлера, как это случилось в марте с ее соседкой Австрией. Я считаю, что с Чехословакией надо развивать отношения. Она Советскому Союзу не враг. Поэтому приятно слышать, что руководители их делегации не только не имели претензий к летчику-инструктору Званцеву, но и просили его поощрить. Ведь благодаря его умелым действиям удалось избежать человеческих жертв. Кстати, за тридцать восьмой год это четвертая авария в вашем аэроклубе. В летном деле всякое бывает.

«Красиво говорит, черт ее побери», – размышлял Игорь, не отрывая взгляда от этой особы.

Она уже заканчивала свою пламенную речь:

– Итак, товарищи, я считаю, что в поступках комсомольца Званцева нет ничего политического, уголовно наказуемого. Он признал свою вину и заслуживает наказания в виде выговора, пусть даже строгого.

На несколько секунд в зале воцарилось молчание. А затем раздались аплодисменты.

– Скажите, товарищ Мещерская, – громко произнес кто-то. – У нас есть улица Мещерского. Это к вам имеет отношение?

– Имеет! – гордо ответила девушка. – Мещерский Михаил Григорьевич – это мой отец, старый большевик, член партии с девятьсот пятого года. К сожалению, он умер три года назад.

Зал одобрительно загудел.

Секретарь Коробков сидел, насупившись. Теперь ему было ясно, что исключение Званцева не состоится.

Оно и не состоялось. Он получил строгача с занесением в учетную карточку.

Риту провожала группа комсомольцев во главе с секретарем. Пошли расспросы о громких московских процессах, о врагах народа, о международном положении, об отце Михаиле Мещерском. Особенно усердствовал в этом Коробков, у которого была заветная мечта попасть в Москву на комсомольскую работу.

Вскоре вдали показалась автобусная остановка. Сообщение между городком и заводом было регулярное. Автобус уходил каждые полчаса и находился в пути десять-пятнадцать минут.

– Спасибо, товарищи, дальше я сама, – сказала Рита, остановилась и улыбкой проводила комсомольцев завода. – Рада знакомству. Завтра у меня заканчивается практика, отбываю в Москву. Может, когда-нибудь встретимся.

– Конечно, – заверил ее Коробков.

Вечер выдался теплым. Пахло сиренью и тополиными почками.

«С первым выступлением вас, адвокат Мещерская», – нашептывала Рита сама себе, неторопливо шагая в сторону автобуса.

Настроение у нее было хорошее, но подступала усталость. Ей хотелось побыть одной.

Она почувствовала за спиной шаги, остановилась и обернулась.

– Это вы, Званцев? Что-то хотите сказать?

Игорь стоял перед ней. На нем были летние парусиновые брюки и клетчатая рубашка с засученными по локоть руками. Ростом Рита была не обижена, но он смотрел на нее свысока.

«Как такой жердяй вмещается в кабину самолета?» – с усмешкой подумала она.

Он посмотрел на нее как на старую знакомую, непринуж-

денно улыбнулся и заявил:

– Хочу сказать только одно: я восхищен! Поэтому из чувства благодарности отвешиваю вам низкий поклон.

– Спасибо. Это все?

– Нет, не все. Не будет ли сударыня столь любезна...

Она резко прервала его:

– Комсомолец Званцев, сударыни и судари были до семнадцатого года!

Он изобразил удивление.

– Ах, какой же я политически неграмотный! В таком случае исправлюсь. Не будете ли вы, уважаемая член бюро Замоскворецкого райкома комсомола, столь любезны, что разрешите мне, рядовому комсомольцу, проводить вас до автобусной остановки?

– Не только рядовому, но и нерадивому комсомольцу Званцеву.

Игорь покачал головой, вздохнул и обиженным тоном произнес:

– В детстве я в таких случаях говорил: «Кто как обзывается, тот так и называется». Но сейчас я стал старше и, конечно же, промолчу.

Она снова вспыхнула.

– Что вы себе позволяете?! Ведите себя прилично.

– Я хочу всего лишь проводить вас до автобусной остановки. Больше ничего. – Он показал рукой на автобус, издававший дребезжащий гул. – Кстати, мы уже пришли.

Она повернулась к нему лицом.

– Вот и отлично. Прощайте, подзащитный!

– Подзащитный? А ведь верно, из вас получился бы неплохой адвокат.

– А я и буду адвокатом. Я заканчиваю юридический факультет университета.

– Вот как? Прекрасно! В таком случае я обязательно обращусь к вам, если мне снова будут шить персоналку.

Она смерила его презрительным взглядом.

– Что за выражения, Званцев? Как вам не стыдно? Следите за своей речью.

– С завтрашнего дня начну следить.

Не сказав ни слова в ответ, Рита резко повернулась и зашагала к автобусу. Он был полупустой.

Она устало опустилась в мягкое кресло, раскрыла сумочку, чтобы достать деньги и оплатить проезд кондуктору, подошедшему к ней, и вдруг услышала за спиной:

– Два билета до центра.

Игорь присел рядом с ней.

Она намеренно не смотрела в его сторону, но была уверена, что он усмехается, неожиданно поймала себя на мысли о том, что тон и настойчивость этого парня начинают ей нравиться. Ведь это повод для того, чтобы его воспитывать. Ей, будущему юристу, нужно уметь это делать.

– Вы же хотели проводить меня только до автобуса, – сказала она, продолжая смотреть за окно.

– Я передумал. Тут, у завода, тихо-спокойно, а в городке хулиганы, могут пристать.

– Я не раз возвращалась поздно, однако хулиганов что-то не заметила.

Хулиганы не повстречались им и в этот вечер. Тем более что от городской автобусной остановки до дома, в котором временно проживала Рита, было недалеко. Она, прибывшая на двухнедельную практику, поселилась у дяди, младшего брата отца.

Рита шла неторопливо и молча. Тем самым она давала ему понять, что он ей совершенно безразличен и жутко надоел.

Но около одного дома с палисадником девушка вдруг остановилась и сказала:

– Какая прелесть! Совершенно обворожительный запах сирени!

Игорь тоже не удержался:

– Ну вот, наконец-то!

– Что значит наконец-то?

– Наконец-то я вижу, что вас, женщину, интересуют не только комсомольские собрания и международное положение.

Маргарита, сильно уязвленная, переменилась в лице, но ничего на это не ответила.

Он тем временем лихо перемахнул через палисадник и скрылся за густыми кустами сирени. Минута, другая, шум листвы, треск ломаемых веток...

Званцев уже собирался возвращаться назад, предвкушая восторг своей очаровательной спутницы, как вдруг совсем рядом послышалось грозное рычание собаки.

– Ах ты, зараза! Пошла вон! – выкрикнул он и понял, что пора убираться отсюда, пока не поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.